

Региональные проблемы реализации законодательства об организации мусульманских приходов в Оренбургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX вв.*

Д. Н. Денисов, к.и.н., Оренбургский ГУ

Главным условием, необходимым для образования самостоятельного мусульманского прихода и постройки мечети в Российской империи, по сенатскому указу от 22 июня 1744 г. было наличие не менее 200–300 душ мужского пола [1]. Путём введения этого минимального норматива правительство стремилось ограничить количество мечетей и приходского духовенства для более эффективного контроля за меньшим числом мусульманских общин. По сути, государство пыталось механически перенести на мусульманские общины принцип организации православного прихода, объединяющего несколько деревень вокруг храма только в крупном селении. При этом не учитывалась специфика исламского ритуала: необходимость проведения ежедневной пятикратной молитвы, обязательное присутствие на коллективном намазе в пятничные и праздничные дни, погребение покойного в день смерти до захода солнца с приглашением духовного лица для омовения и совершения других процедур по строго определённым правилам.

Дискриминационное ограничение на постройку мечети только при наличии 200–300 душ

мужского пола лишало жителей малочисленных деревень и городских диаспор возможности организовать на месте общественное богослужение, наладить религиозный быт под руководством собственного официально признанного имама. Для удовлетворения духовных потребностей они были вынуждены приписываться к мечетям в более крупных селениях, преодолевать значительные расстояния для совершения обрядов или приглашения муллы к себе. Особенно ярко эти сложности проявлялись в степном Оренбургском крае в силу его демографических и природных особенностей: низкой плотности населения и больших расстояний между деревнями, хуторской организации хозяйства, особенно у полукочевого башкирского населения, суровых климатических условий и перепадов ландшафта с оврагами, многочисленными реками, гористыми участками, затруднявшими транспортную доступность.

Статистический анализ по 12 уездам Оренбургской губернии, проведённый И.К. Загидуллиным, показывает, что в конце XVIII в. на одно мусульманское селение в крае приходилось в среднем 71,4 души мужского пола: от 49,1 в Оренбургском уезде до 89,5 в Верхнеуральском (табл.).

Численность мусульманских селений Оренбургской губернии в 1795 г. [2]

№ п/п	Название уездов	Количество		Среднее число душ м. п. в поселении
		селений	душ м. п.	
1	Верхнеуральский	130	11637	89,5
2	Белебеевский	185	12858	69,5
3	Бирский	190	13755	72,4
4	Бугульминский	30	3580	70,2
5	Бугурусланский	4	221	55,2
6	Бузулукский	7	580	82,8
7	Мензелинский	153	11799	77,1
8	Оренбургский	229	11244	49,1
9	Стерлитамакский	195	15690	80,4
10	Троицкий	119	8136	68,3
11	Уфимский	85	6409	75,4
12	Челябинский	90	5247	58,3
	Итого:	1417	101156	71,4

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005

Таким образом, законодательный минимум для образования самостоятельного религиозного прихода в 2–4 раза превышал среднее количество мужчин в населённом пункте. В результате для жителей мелких поселений, составлявших большинство на Южном Урале, соблюдение исламского ритуала, обрядов жизненного цикла, связанных в Российской империи с государственной регистрацией актов гражданского состояния, было затруднено необходимостью поездки в более крупное село, которое становилось центром прихода для нескольких деревень.

Например, 14 октября 1884 г. мусульмане д. Супханкулово Верхнеуральского уезда в своём общественном приговоре указали, что ближайшая соборная мечеть находится в д. Арышпарово за 25 вёрст «и при таком расстоянии представляется невозможным отправляться для богомоления по случаю постоянного в их местности разлива вод, болотистых и каменистых мест, а в зимнее время — вследствие больших снегов, затрудняющих проезд». На этом основании верующие подали заявку на строительство собственного культового здания. Верхнеуральское уездное полицейское управление поддержало его необходимость по местным природно-климатическим условиям, а жители д. Арышпарово были вполне согласны на отчисление супханкуловцев из их прихода. Тем не менее Оренбургское губернское правление (ОГП) по журнальному постановлению от 21 октября 1886 г. № 946 отказало в ходатайстве потому, что в д. Супханкулово числились всего 69 ревизских душ м. п. вместо 200, необходимых по закону для разрешения мечети (указ от 23 октября 1886 г. № 3639) [3].

Исторические источники свидетельствуют о том, что расстояние от приходской мечети до приписанных к ней малочисленных сел в Оренбургской губернии нередко составляло 10–20 вёрст и более. Например, в 1889 г. к приходу Таналыкской соборной мечети Орского уезда относились 47 душ м. п. в самой станице, 24 — в пос. Колпацкий (за 40 вёрст), 23 — в пос. Уртазымский (за 50 вёрст), 67 — в пос. Новоорский (за 80 вёрст), 32 — в пос. Павловский (за 100 вёрст) и 57 — в станице Наследницкой (за 120 вёрст), а всего 250 мужчин, исповедовавших ислам. В соответствии с законодательством Российской империи эти мусульмане, рассеянные по шести посёлкам, не имели права построить более одной мечети с двумя штатными муллами и одним муэдзином, но даже объединение в рамках общего прихода не решало для них проблемы удовлетворения духовных нужд, не давало возможности регулярно посещать богослужения и проводить обряды под руководством священнослужителя из-за огромных расстояний до религиозного центра.

В числе 200 душ мужского пола, необходимых по закону для образования нового мусульманского прихода, учитывалось только постоянное, а не временное население. В Оренбургском крае это создавало дополнительные сложности для организации религиозной жизни мусульман на обширных землях казачества в силу их особого правового статуса, который препятствовал переселенцам легализоваться здесь в качестве постоянных жителей.

Ещё с конца XVIII — начала XIX столетий в казачьих укреплениях на Оренбургской линии стали селиться мусульмане невоенных сословий, привлечённые выгодами приграничной торговли с казахским населением. С 60-х гг. XIX в. их численность в казачьих пригородах и станицах стала резко возрастать на фоне широкого притока татарских крестьян из малоземельных районов Поволжья в Оренбургский край.

По Положению об Оренбургском казачьем войске (ОКВ) от 12 декабря 1840 г. лицам гражданских сословий, не вошедшим в его состав, запрещалось иметь на казачьих землях постоянную оседлость и пользоваться поземельными дольствиями [4]. В соответствии с законодательством Российской империи местом постоянного жительства крестьян, поселившихся в казачьих станицах, продолжали считаться их прежние сёла или волости, к которым они были юридически приписаны. Только именным высочайшим указом от 5 октября 1906 г. сельским обывателям и лицам других бывших податных сословий была предоставлена свобода избрания постоянного места жительства, в качестве которого стало рассматриваться не место приписки, «а место, где они по службе, или занятиям, или промыслам, или недвижимому имуществу имеют оседлость либо домашнее обзаведение» [5]. Кроме того, согласно ст. 7 Положения о поземельном устройстве в казачьих войсках от 21 апреля 1869 г. общественные казачьи земли были частично изъяты из гражданского оборота и не могли отчуждаться в собственность представителей других сословий [6]. Поэтому большинство мусульманских переселенцев проживало здесь на съёмных квартирах и арендуемой земле. С юридической точки зрения они не считались постоянными жителями казачьих поселков и не учитывались при рассмотрении ходатайств о постройке мечетей, даже если их реальная численность превышала законодательно установленный минимальный норматив в 200 душ мужского пола, необходимый для образования мусульманского прихода. К тому же и сами участки под строительство культовых зданий могли быть предоставлены им только на условиях ежегодного внесения в общественный капитал арендной платы за землю под мечетью или молитвенным домом. Всё это создавало серьёзные

проблемы для удовлетворения религиозных нужд мусульман невоенных сословий в казачьих населённых пунктах.

Так, во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманские переселенцы стали активно оседать не только в губернском городе Оренбурге, но и в примыкавшем с восточной стороны казачьем Форштадте. В административном отношении он образовывал самостоятельный посёлок Оренбургский одноименной станицы ОКВ, имея собственные органы управления, но исторически был составной частью города.

22 февраля 1905 г. 636 мусульман пос. Оренбургский постановили приговор, в котором указали, что место их жительства находится в двух верстах (2,12 км) от городских мечетей и поэтому они нуждаются в собственном богослужебном здании. Все расходы по строительству принимал на свой счёт оренбургский купец 1-й гильдии М.Г. Хусаинов, который уже выкупил под него права аренды на дворовое место № 46 по Наследницкой ул. шириной 16 саженей (34,14 м) и длиной 20 саженей 1 аршин (43,38 м) за 500 руб. 10 марта 1905 г. уполномоченный крестьянин Гарифулла Батталов подал в Оренбургское магометанское духовное собрание ходатайство о разрешении построить мечеть на этом месте с образованием самостоятельного прихода. Рассмотрев этот вопрос положительно, 26 апреля 1905 г. Духовное собрание постановило направить переписку по этому делу в Оренбургское губернское правление. На запрос администрации уездная полиция доложила, что в посёлке проживает мусульман м. п. 1080 душ, христиан об. п. свыше 15 тыс., причём дома православных расположены вокруг места предполагаемой постройки мечети. Поскольку земля находилась в ведении ОКВ, губернское правление обратилось в Войсковое хозяйственное правление (ВХП), которое вынесло этот вопрос на рассмотрение казаков Оренбургского посёлка. 14 мая 1906 г. поселковый сход постановил отказать в ходатайстве о постройке мечети, т. к. официально в Форштадте было всего 3 мусульманских двора, «остальные же лица этого вероисповедания проживают на съёмных квартирах и не имеют оседлости». 6 июля 1906 г. это решение было подтверждено постановлением ВХП № 2433 «за неимением в этом посёлке коренных жителей-магометан», о чём просителям объявили только в январе 1907 г., спустя 2 года после начала хождения их документов по инстанциям [7].

Проблемы с удовлетворением религиозных нужд возникали и у мусульманских рабочих многочисленных промышленных предприятий и горных разработок, возникших во второй по-

ловине XIX в. на землях, арендуемых у оренбургского казачества. Так, в 1901 г. мусульманские рабочие Кочкарских золотых приисков (ныне г. Пласт Челябинской обл.) возбудили ходатайство о разрешении постройки соборной мечети с образованием самостоятельного прихода. Однако войсковое хозяйственное правление ОКВ в качестве представителя собственника земли отказалось отвести для строительства земельный участок. На этом основании 15 февраля 1905 г. ОГП отклонило просьбу верующих. Правда, вскоре по их жалобе Министерство внутренних дел разъяснило губернским властям, что молитвенный дом может быть устроен в любом пригодном для этого помещении, а вопрос о владении землей не стоит в непосредственной связи с устройством духовных нужд мусульман. Поэтому новым указом от 12 июня 1906 г. Оренбургское губернское правление всё-таки разрешило образовать самостоятельный приход при уже существующем молитвенном доме на Аполлинариевском прииске [8].

Таким образом, законодательно установленный в Российской империи минимальный норматив в 200–300 душ мужского пола, необходимый для образования мусульманского прихода с разрешением на постройку мечети, создавал серьёзные трудности для удовлетворения духовных нужд населения Оренбургской губернии в силу особенностей её демографии, природно-ландшафтных условий и правового статуса казачьих земель. При низкой плотности населения на обширных степных пространствах, хуторской организации хозяйства мусульманские жители малолюдных посёлков были вынуждены приписываться к крупным деревням, преодолевать в суровом климате значительные расстояния через многочисленные овраги, реки, гористые участки для совершения религиозных обрядов с регистрацией актов гражданского состояния. Переселенцы, обосновавшиеся на казачьих землях, из-за правовых ограничений не могли легализоваться там в качестве постоянных жителей, а потому не включались в норматив численности прихожан, что препятствовало строительству ими собственных мечетей.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XII. № 8978.
2. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 100.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 4179. Л. 248–248 об.
4. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XV. Отд. 1. № 14041.
5. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXVI. № 28932.
6. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1. № 46996.
7. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 10–11.
8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 439–441.